

МОСКОВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЦЕРКОВНАЯ ГАЗЕТА

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Газета выходитъ разъ въ недѣлю. Годовая цѣна—3 р. 50 к., съ достав. и пересыл.—4 р. 50 к.; полугод. 2 р., съ дост. и пер. 2 р. 50 к.; за три мѣс. 1 р., съ дост. и пер. 1 р. 30 к.; за 1 мѣс. 40 к., съ дост. и пер. 50 к. Отдѣльные №№ по 10 к. Объявленіе за строку, или мѣсто строки, за 1 разъ—10 к., за 2 раза—18 к., за 3 раза—24 к.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Епархіальной библиотекѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ, въ редакціи—на Донской улицѣ, въ квартирѣ Ризположенскаго священника В. П. Рождественскаго, у книгопродавцевъ Ферапонтова и Соловьева; въ С.-Петербургѣ у Кораблева и Сиракова.

Содержаніе: По поводу циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія о приѣмѣ семинаристовъ въ университеты. Воскресныя бесѣды. Бесѣда вторая. Поученіе предъ сборомъ пожертвованій въ пользу Герцеговинцевъ. Историческій отдѣлъ. Жизнь архимандрита Памсія или самимъ составленная. Внутреннее обозрѣніе. Засѣданіе Петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Открытіе при Кишиневской семинаріи бесѣды съ старообрядцами. Извѣстія и замѣтки. По вопросу объ Обществѣ студентовъ Московской духовной академіи. Дорогой памяти М. П. Погодина. Прощальное слово товарища предъ выносомъ изъ дома въ храмъ гѣла покойнаго.

Москва, 21-го декабря.

На дняхъ появился въ газетахъ циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія, разрѣшающій приѣмъ семинаристовъ въ университеты „на существовавшихъ въ послѣдніе 3 года основаніяхъ, впредь до пересмотра уставовъ всѣхъ вообще духовно-учебныхъ заведеній и до дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій“,—т. е. на основаніи повѣрочнаго испытанія, производимаго самими университетами. Этимъ циркуляромъ отмѣняется прежнее распоряженіе министерства просвѣщенія, по которому съ будущаго учебнаго года семинаристы могли поступать въ университеты только на одинаковыхъ условіяхъ съ гимназистами, т. е. кромѣ своего семинарскаго экзамена, выдержавши въ гимназіи (одновременно съ гимназистами) *испытаніе зрѣлости*,—такъ что по смыслу отмѣненнаго распоряженія текущій учебный годъ былъ послѣднимъ льготнымъ для семинаристовъ годомъ, когда семинарія—своя *alma mater* давала имъ права на высшее университетское образованіе. За тѣмъ они должны были идти въ чужое вѣдомство, къ чужимъ дверямъ и въ нихъ стучать, чтобы они отверзлись и пропустили ихъ къ высшему источнику человѣческой премудрости... Намъ изъ личныхъ наблюденій хорошо извѣстно то впечатлѣніе и дѣйствіе, какое произвело на семинаристовъ это распоряженіе; въ средѣ ихъ переполохъ тогда произошелъ большой, и они совсѣмъ повѣсили головы. Да—правду сказать—и было отъ чего. Гимназическій экзаменъ зрѣлости если не окончательно преграждалъ семинаристу путь въ университетъ, то затруднялъ его до послѣдней степени,—и выдержать его могли только развѣ весьма немногіе изъ семинаристовъ. И это не потому, чтобы они уже рѣшительно стояли ниже гимназистовъ и по позна-

ніямъ и поразвитію,—нѣтъ, а часто по другимъ причинамъ. Начать съ того, что экзаменъ—дѣло во многихъ отношеніяхъ очень условное,—особенно въ среднемъ учебномъ заведеніи; это не то, что испытаніе на учебную степень, гдѣ обращается вниманіе только на знанія, и гдѣ испытуемый конечно свободно выкажетъ степень познаній, не стѣсняясь формою изложенія и передачи. Конечно въ общихъ чертахъ можно опредѣлить условія и требованія испытанія (онѣ и опредѣлены), но всѣхъ частности, той,—такъ сказать,—конкретной и индивидуальной формы ихъ—уловить рѣшительно нельзя. Такъ какъ испытанія зрѣлости происходятъ въ гимназіяхъ и посредствомъ гимназическихъ же преподавателей, то очевидно, что гимназисты въ этомъ случаѣ находятся въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ семинаристы и вообще всѣ негимназисты. Уже и то одно много значитъ, что приѣмный воспитанникъ здѣсь сразу оцутится въ совершенно новой обстановкѣ, между новыми лицами, встрѣтится съ новыми порядками; прибавьте къ этому ту вполне естественную ажитацию, которую испытываетъ на экзаменѣ,—и притомъ рѣшительномъ—не только ученикъ, а и взрослый человѣкъ,—примите въ соображеніе ту застѣчивость и растерянность, которою отличаются при новой обстановкѣ именно семинаристы, въ слѣдствіе непривычки къ обществу,—и аргументъ „я сробѣлъ, и потому не могъ хорошо отвѣтить“, хотя имъ нерѣдко и злоупотребляютъ, получить полную свою силу и реальность. Съ гимназистами этого не можетъ быть, потому что они здѣсь свои люди, и имъ всѣ и все здѣсь свое знакомое, родное. Это—разъ. Дальше. У всякаго учителя своя метода преподаванія, свои приемы, вкусы, требованія, своя манера говорить, спрашивать и т. д.; все это несом-

нѣнно будетъ имѣть свое мѣсто и значеніе (и большое) и на экзаменѣ. Учитель не можетъ стать холодной и объективной программой, механическимъ термометромъ, вѣрно показывающимъ % знаній, онъ живой человѣкъ, и по этому тотъ, кто ближе знаетъ его, конечно имѣетъ несравненно больше шансовъ потрафить ему и получить лучшую отмѣтку, чѣмъ тотъ, кто въ первый разъ его видитъ. Гимназисту опять очевидно выгоды. За тѣмъ во всякомъ заведеніи есть свой духъ, строй, — своя, такъ сказать, педагогическая атмосфера, которая издаетъ множество незначительныхъ, невидныхъ, неписанныхъ, но тѣмъ не менѣе важныхъ и обязательныхъ для учащихся требованій, которыя воспитанниками заведенія и усвоятся и исполняются безъ усилий, сами собою, но которыя и непонятны и неудобноисполнимы для ученика — пришлеца иной школы, — что не можетъ съ другой стороны не дѣйствовать непріятно на коренныхъ жителей и слѣдов. патріотовъ той школы, въ которую по необходимости долженъ придти на экзаменъ чужой воспитанникъ, — и не возбудить противъ него нѣкотораго предубѣжденія. А между гимназіями и семинаріями есть еще историческій и традиціонный антагонизмъ. Семинаристу слѣдов. опять плохо. — Наконецъ учебныя планы гимназій и семинарій — далеко не одинаковы; для тѣхъ предметовъ, по которымъ предполагалось держать испытаніе зрѣлости, въ гимназій назначено больше времени и они естественно проходятся поэтому шире и обстоятельнѣе, чѣмъ въ семинаріи. Здѣсь очень важное значеніе имѣетъ еще то обстоятельство, что въ гимназій ученикъ изучаетъ предметъ съ первыхъ класовъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, тогда какъ семинаристъ начинаетъ съ училища, которое въ учебномъ отношеніи стоитъ очень не высоко и разобщено отъ семинарій. Снова для гимназиста сравнительно съ семинаристомъ нѣсколько шансовъ впередъ. Можно бы эту параллель продолжать и дальше, — но довольно и этого.

Такимъ образомъ если взять дѣло только со внѣшней стороны, то и въ такомъ случаѣ представляются достаточныя причины — съ одной стороны страха семинаристовъ передъ гимназическимъ испытаніемъ зрѣлости, а съ другой — освобожденія ихъ отъ этого испытанія, и замѣны его другимъ способомъ удостовѣренія въ ихъ годности или негодности быть университетскими студентами? По этому новое министерское распоряженіе, представляющее рѣшеніе этого вопроса самимъ университетамъ, ближе всего заинтересованнымъ въ выборѣ студентовъ, — нельзя не привѣтствовать какъ актъ справедливаго вниманія къ духовнымъ семинаріямъ и ихъ воспитанникамъ. Есть и другая сторона дѣла.

Принятіе, или непринятіе всякаго желающаго поступить въ университетъ, какъ и во всякое другое высшее учебное заведеніе, очевидно главнѣйшимъ образомъ должно обуславливаться степенью подготовки желающаго къ слушанью курсовъ заведенія. Подготовка эта состоитъ

съ одной стороны — въ научныхъ фактическихъ знаніяхъ, а съ другой — въ умственной развитости и зрѣлости мысли. Важно конечно то и другое, но на нашъ взглядъ послѣднее выше и важнѣе, потому что знанія и болѣе прочныя будутъ приобрѣтаться въ университетѣ, а умственное развитіе — орудіе для ихъ приобрѣтенія и обработки должно уже быть приготовлено раньше, и именно въ учебномъ заведеніи, приготовляющемъ къ университету. Можетъ ли дать такую подготовку семинарія? По нашему мнѣнію — можетъ. Прежде всего семинарія — среднее учебное заведеніе съ опредѣленнымъ и довольно солидно поставленнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, который при основательномъ его усвоеніи можетъ дать ученику и знанія и развитъ въ немъ достаточную зрѣлость и силу сужденія. Семинарскій аттестатъ даетъ воспитаннику извѣстныя права. При этомъ нужно еще взять въ вниманіе и то обстоятельство, что въ семинаріяхъ недавно введенъ новый уставъ, по которому учебная часть въ общемъ направленіи поставлена сходно и по возможности соотвѣтственно съ гимназіями. Идеи и духъ — тѣже. Поэтому уже совсѣмъ не вѣрнѣе — такъ сказать, — семинаріямъ и ставить ихъ подъ контроль гимназій, кажется, нѣтъ особыхъ побужденій. Пусть гимназій и по своему учебному плану и по выполненію его стоятъ выше семинарій, — пусть ихъ курсъ больше сообразенъ съ университетскими занятіями, — на то ихъ воспитанники и поступаютъ въ университетъ совсѣмъ безъ экзамена, но намъ кажется, что и семинарія представляетъ нѣкоторое ручательство въ умственной развитости и годности своихъ воспитанниковъ для университета. Поэтому контрольный экзаменъ со стороны самого университета, кажется, совершенно достаточная мѣра для окончательнаго признанія этой годности.

Затѣмъ въ общеобразовательномъ семинарскомъ курсѣ есть одна важная особенность сравнительно съ гимназическимъ, которая, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ наибольшаго вниманія. Мы разумѣемъ элементъ философскій. Въ семинаріи преподаются логика, психологія и обзоръ философскихъ ученій, которыхъ въ гимназіяхъ совсѣмъ нѣтъ. Мы далеко не считаемъ учебную постановку этихъ предметовъ въ семинаріи (особенно послѣдняго) вполне удовлетворительной, но тѣмъ не менѣе придаемъ имъ весьма важное и полезное общеобразовательное значеніе¹⁾. Поэтому совершенное отсутствіе этихъ предметовъ, особенно психологіи, нельзя не признать важнымъ пробѣломъ гимназической программы. Предметы философскаго характера, отвлекая

¹⁾ Вопросъ объ этихъ предметахъ затронуть въ № 344 «Современныхъ Извѣстій», — но больше съ практической стороны, — именно они признаны полезными потому, что знакомятъ учениковъ съ тѣми отвлеченными и мудреными философскими понятіями и терминами, съ которыми потомъ придется имѣть дѣло при изученіи наукъ особенно юридическихъ. Мы кромѣ этого признаемъ за философскими науками общеобразовательное и развивающее значеніе. Авт.

мысль отъ конкретныхъ, частныхъ, мелкихъ фактовъ и знаній, изъ которыхъ преимущественно состоитъ общеобразовательный курсъ и вводя ее въ область обобщеній и болѣе широкихъ взглядовъ и выводовъ, представляютъ превосходную умственную гимнастику для мысли, не говоря уже о тѣхъ положительныхъ знаніяхъ, какія приобрѣтаются изъ знакомства съ различными философскими ученіями. Точно также обстоятельное изученіе мыслительнаго и другихъ психическихъ процессовъ (въ логикѣ и психологій) несомнѣнно прольетъ много свѣта и дастъ ученику ключъ для объясненія и пониманія многихъ явленій въ различныхъ областяхъ знанія, которыя безъ этого для него темны и неясны. Въ общемъ образованіи и развитіи очевидно это обстоятельство крайне важно. Такимъ образомъ въ семинарскомъ образованіи есть нѣчто такое, чего нѣтъ въ гимназическомъ курсѣ; при важности—и именно для умственнаго развитія и зрѣлости мысли этого нѣчто,—шансы будущаго ученія и развитія очевидно приходятъ въ большее соотвѣтствіе и равновѣсіе... Мы продолжимъ свои размышленія по занимающему насъ предмету.

К.

Воскресныя бесѣды.

БЕСѢДА ВТОРАЯ.

О пятой заповѣди

*Чти отца твоего и мать твою,
да благо ти будетъ и долготеленъ будешь на земли.*

Если счастье и долголетіе жизни зависятъ отъ исполненія заповѣди о повиновеніи и почтеніи младшихъ къ старшимъ, то первыхъ опытовъ этого повиновенія и почтенія конечно нужно ждаты въ семьѣ, гдѣ связь между младшими и старшими ближе по роду, потому крѣпче и необходимѣе. Что ближе и тѣснѣе связи между родителями и дѣтьми? И по происхожденію и по безпомощности въ первые годы жизни дѣти вполне зависятъ отъ родителей и въ охраненіи ихъ жизни, и въ поддержаніи ея, и въ направленіи раскрывающихся силъ. Потому всего естественнѣе именно въ семьѣ искать первыхъ и лучшихъ опытовъ исполненія заповѣди о повиновеніи и почтительности дѣтей къ родителямъ.

Пока дѣти находятся въ младенствѣ, они по необходимости находятся въ полной зависимости отъ воли родителей, по необходимости исполняютъ всѣ ихъ распоряженія, но это еще не есть повиновеніе, а простая зависимость безпомощныхъ. Но и самая эта привычка быть въ зависимости можетъ и должна въ послѣдствіи перейти въ сознательное повиновеніе, если не помѣшаютъ сему худыя наклонности, примѣры, возбужденія. Зло такъ близко къ человѣку, что младенецъ, во всемъ зависимый отъ родителей, еще въ безсознательномъ возрастѣ уже оказываетъ капризы и противодѣйствія рас-

поряженіямъ родителей; это есть прирожденное чловѣку зло, изъ котораго и можетъ раскрыться въ послѣдствіи гибельная непочтительность дѣтей къ родителямъ. А развиться этому злу не трудно, особенно въ настоящее время. Едва дитя начинаетъ достигать сколько нибудь сознательнаго способа дѣйствования, ему внушаютъ, можетъ быть даже самые родители и воспитатели, что дитя само должно обдумать, что для него хорошо или худо, и неразумный еще ребенокъ становится уже дерзкимъ, свои дѣтскія мнѣнія начинаетъ считать какими-то свободными убѣжденіями, имѣющими достаточную силу и основательность; при малѣйшихъ успѣхахъ въ познаніяхъ на отца и мать свою, особенно въ простомъ народѣ, дерзкій ребенокъ начинаетъ смотрѣть какъ на людей устарѣлыхъ въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ на людей неспихъ его. Если къ этимъ примѣрамъ, которые можно встрѣтить почти на каждомъ шагу, прибавить еще, что худое общество рано развращаетъ нравственную жизнь дѣтей, и изъ ребенка дерзкаго дѣлаетъ уже упрямаго своевольника, то мы поймемъ, почему такъ мало добраго видимъ теперь въ семьѣ, что разрушеніе семейныхъ узъ, непокорность, непочтительность угрожаютъ потрясти всѣ основы благосостоянія общественнаго.

Такимъ худо направленнымъ дѣтямъ напрасно станутъ внушать о повиновеніи родителямъ; власть родительская имъ представляется какимъ-то тяжелымъ игомъ, отъ котораго нужно скорѣе освободиться, они скорѣе послушаютъ всякаго посторонняго чловѣка, нежели родителей изъ упрямаго желанія сохранить свою свободу поступковъ. Напрасно станутъ имъ указывать на любовь къ нимъ родителей, на ихъ заботливость о счастьи дѣтей, любовь родителей они назовутъ слѣпою, заботливость о счастьи недалеконидною. Можетъ быть и образуются они въ возрастѣ совершенномъ, но будетъ уже поздно, потому что узы семейства будутъ порваны и благотѣльное вліяніе семейныхъ привязанностей потеряется. Вѣрнѣе же всего, что непривыкшій къ повиновенію въ нѣдрахъ семейства окажется негоднымъ членомъ и великой семьи — гражданскаго общества.

Къ устраненію подобныхъ печальныхъ явленій непочтительности и своеволія дѣтей должны употреблять свои усилія и родители и воспитатели. Они должны твердо помнить, что чловѣкъ становится добрымъ не отъ того только, что знаетъ въ чемъ добро и въ чемъ зло, а отъ навыка, отъ привычки дѣлать добро. Не то дитя хорошо, которое можетъ ясно рассказать какая на комъ лежитъ обязанность, а то которое привыкаетъ постоянно, на самомъ дѣлѣ, исполнять свои обязанности. Всякая добродѣтель чловѣка есть навыкъ исполнять добрыя дѣла, и если приучить ребенка съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни послушно исполнять добрыя приказанія, добрые навыки останутся въ немъ на всю жизнь. А свободы, о которой говорятъ и которой желаютъ, нѣтъ и быть не можетъ. Не слушаетъ чловѣкъ одно-

го, слушаетъ другаго, не хочетъ исполнять волю родителей,—исполняетъ волю товарищей или другихъ совѣтниковъ, не слушаетъ добрыхъ, повинуется злымъ. И во всю жизнь, и во всю вѣчность человѣкъ долженъ исполнять чью-либо волю,—или волю Божию, или волю діавола. Потому и нужно приучать дѣтей, чтобы они съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкли не о свободѣ думать, а послушно исполнять волю Божию, которую передаютъ имъ отецъ и мать. Тогда только могутъ они надѣяться на счастье земной жизни и на успѣхъ нравственный. Аминь.

Поученіе въ недѣлю 25-ю (13 ноября 1875 года), сказанное въ православной церкви города Ниццы, священникомъ Левицимъ предъ сборомъ пожертвованій въ пользу герцеговинцевъ *).

Человѣкъ нѣкій сходяше отъ Иерусалима въ Иерихонъ и въ разбойники впаде: иже совлекше его и язвы возложше, оставша едва жива суца (Луки X. 30).

Притча о впадшемъ въ разбойники напоминаетъ намъ, братіе, что скорби и бѣдствія неизбѣжны на жизненномъ пути человечества, что и каждому изъ насъ рано или поздно не избѣжать участи впаднаго въ разбойники; каждому неминуемо придется скорбѣть, страдать, бѣдствовать и ждать своего милосердаго самарянина, ждать помощи и участія. Такъ—въ жизни отдѣльныхъ людей, такъ и въ жизни народонаселеній и цѣлыхъ народовъ!... Но въ безчисленномъ сонмѣ страдальцевъ встрѣчаются нерѣдко такіе, которыхъ чуть ли не вся жизнь протекаетъ въ горѣ, да въ скорбяхъ, лишеніяхъ и напастьяхъ. Примѣры такихъ продолжительныхъ бѣдствій и между отдѣльными людьми нерѣдки. Встрѣчаются такіе же примѣры и въ жизни цѣлыхъ народовъ, съ тою ужасною разницей, что если бѣдствія отдѣльныхъ людей длятся годы или десятки лѣтъ, то бѣдствія народа длятся иногда сотни и сотни лѣтъ!

И то удивительно въ неизреченныхъ путяхъ премудрости Божіей, то поразительно въ свойствахъ грѣшной природы человѣческой, что, если для вразумленія человечества употребляетъ Богъ стихійныя силы: огонь, воду, засуху, моръ, то для совершеннаго воспитанія и приготовления человѣка къ предназначеннымъ цѣлямъ Богъ употребляетъ само же человечество: на народъ онъ воздвигаетъ народъ, людей наказуетъ людьми же! И нѣтъ, подлинно, для человечества бича ужаснѣе и дѣйствительнѣе какъ самого же человечества! Такъ, въ древности, угрожая избранному народу еврейскому, за нарушеніе своихъ заветовъ, различными бѣдствіями стихійными, какъ величайшую угрозу, Богъ провозноситъ слѣдующее: „предамъ тебя въ руки враговъ твоихъ, въ руки языковъ имени Моего невѣдущихъ“.

Такъ и Спаситель нашъ, желая открыть въ сердца наши доступъ заповѣди о милосердіи, изобразилъ ее притчею о человѣкѣ впадшемъ на пути въ разбойники, *иже совлекше его и язвы возложше, оставша едва жива суца.*

Сбывается и нынѣ, братіе, это слово Господне во очію всего міра на единовѣрномъ намъ и единокровномъ народѣ

сербскомъ. Давно уже, лѣтъ пятьсотъ тому назадъ, на историческомъ пути своей жизни народъ сей впалъ въ руки лютыхъ разбойниковъ невѣрныхъ турокъ, *иже совлекше его т. е. отнявши у него все, и язвы возложше, оставша едва жива суца...* Пятьсотъ лѣтъ угнетенія и лютаго рабства, пятьсотъ лѣтъ страданій непрерывныхъ, не только не ослабѣвшихъ, но усиливавшихся съ теченіемъ времени, терпятъ эти кровные братья наши вмѣстѣ съ нами во единого Господа увѣровавшие, едиными усты, однимъ съ нами языкомъ Его славящіе, едино крещеніе, едину вѣру, едино упованіе съ нами имущіе, и столь различную теперь долю испытывающіе по сравненію съ нами! Но и сами мы нѣкогда преданы были Богомъ въ руки народа варварскаго; и сами мы также двѣсти лѣтъ проходили суровую школу ига татарскаго, пока не обрѣли въ ней и благодаря ей нашего единства государственнаго и нашего братскаго единодушія, кои суть: наша честь и сила. Кто знаетъ, въ безмѣрной сокровищницѣ своихъ щедротъ и премудрости не соблюлъ ли Богъ и для сербскаго народа такой же будущности въ достойную мзду его долгихъ страданій?

Вотъ теперь вновь несчастный народъ этотъ не въ первый уже разъ, удивляетъ весь свѣтъ своими доблестными поисками свободы,—не той, братіе, свободы прихотливой и своевольной, какою тѣшатся нерѣдко другіе народы, такъ называемые переловые, и которая въ сущности состоитъ лишь въ превращеніи общественной власти въ игральнище страстей народныхъ; нѣтъ, а той свободы, безъ которой жизнь человѣческая не возможна: свободы жить мирно, трудиться честно и безмятежно, преуспѣвать во всякомъ ученіи и благоустроении гражданскомъ, наконецъ свободы вѣровать и молиться Богу невозбранно.

Намъ ли, братіе, оставаться безучастными зрителями бѣдствій этого народа? Намъ ли не внять мольбамъ этихъ безчисленныхъ тысячъ безпомощныхъ семей, старцевъ, женъ, дѣтей, вынужденныхъ лютымъ преслѣдованіемъ покинуть дома и родину, покинуть все, и искать вдали отъ родины пріюта, одѣянія, пищи; спасающихся отъ меча и угрожаемыхъ голодомъ, холодомъ, болѣзнями,—какъ отказать намъ имъ въ немедленной братской помощи, когда сами мы нѣкогда, по милости Божіей—давно уже, претерпѣвали такую же долю въ лицѣ нашихъ предковъ? Правда, братіе, бѣда наша давно миновала. Бывшіе владыки наши нынѣ нашъ же хлѣбъ ѣдятъ, нашему же государю и отечеству служатъ: Богъ смилосердился надъ землею нашей! Быть можетъ, память объ этомъ уже изгладилась и охладѣла въ сердцахъ нашихъ, такъ что лишь грустныя сказанія народные хранятъ еще воспоминанія лютыхъ временъ татарщины?..

Такъ вотъ же Богъ поставляетъ предъ очи наши вновь наше прошлое и требуетъ не забывать его милости, *незабывать всѣхъ созданий Его!*

Въ лицѣ страждущихъ подъ игомъ ислама братій нашихъ указывая намъ вновь *человѣка впаднаго въ разбойники*, а въ примѣрѣ самарянина—нашъ святой долгъ, Онъ властно говоритъ теперь каждому изъ насъ: *иди и ты твори такожде!* Аминь.

*) Получено съ просьбою напечатать отъ славянскаго благотворительнаго комитета.

Историческій отдѣлъ.

Жизнь архимандрита Паисія, имъ самимъ составленная.

1) Наставленія о. Архимандрита Паисія братіи Московскаго Покровскаго монастыря:

Исполнить надобно: въ случаѣ опущенія чреды, штрафуются по 25 к. сер. каждый разъ.

Бывшіе на клиросѣ по окончаніи литургіи должны оставаться для пѣнія панихидъ и молебновъ; къ нимъ на помощь должны присоединяться и тѣ, кои болѣе свободны.

На лѣвомъ клиросѣ въ рання литургіи поютъ слѣпые, какъ и прежде они пѣвали безъ очереди.

На ранней литургіи послѣ первой великой эктеньи и послѣ первой малой неотмѣнно въ будни читать, а въ праздникъ пѣть положенные псалмы, кои находятся въ Ирмологѣ и въ концѣ Апостола.

За поздней литургіей должно быть всѣмъ въ церкви.

Ризничему вмѣняется въ обязанность—по окончаніи полунощницы или 9-го часа, кого нѣтъ на клиросѣ, посылать для понужденія; не бывшихъ въ церкви записывать въ тетрадь со штрафомъ 15 к. сер.

Поздно пришедшихъ и рано ушедшихъ считать не бывшими. Кромѣ богослуженія, выключая тѣхъ, кои несутъ послушанія, другой обязанности нѣтъ: то составляющіе свою обязанность, при полномъ и довольномъ содержаніи, чѣмъ мы оправдаемся и предъ Богомъ и своею совѣстію? Даруй Господи—позаботиться о томъ всѣмъ намъ!

2) За нужное считаю братіи напомнить:

1) Иногда отъ стороннихъ слышу, кои замѣчаютъ, что въ церкви нашей, въ отсутствіе мое, богослуженіе совершается поспѣшише; и самъ вижу, судя по времени, служба отходитъ прежде времени; а это дѣло должно считать постыднымъ и явнымъ нарушеніемъ совѣсти каждаго; иной обязанности, кромѣ богослуженія, ни укого нѣтъ, и то исполнить не хочется, какъ будто торопятся къ другому занятію, болѣе для нихъ нужному, а въ келліи, кажется, никто ничѣмъ не занимается, даже и чтеніемъ малая часть занимается; потому то быть нашъ въ стѣнахъ обители святой долженъ считаться жалкимъ. Прошу всю братію обратить на это вниманіе согласно закону и совѣсти. Чтеніе и пѣніе исполнять безъ всякой торопливости. Ежели чтецы будутъ только о томъ и заботиться, чтобы скорѣе промолотъ безъ всякаго вниманія, то выберу трехъ или четырехъ изъ лучшихъ чтецовъ, кои будутъ пользоваться болшею наградою противъ прочихъ.

2) Недавно послушники на клиросахъ присвоили право въ каюзы садиться: у насъ не нѣмецкая кирка, гдѣ то позволено; или можетъ быть видѣли или слышали, что при богослуженіи садятся въ общежительныхъ монастыряхъ? Но тамъ сидятъ во время поученій, коихъ читается въ продолженіе утрени постоянно по

два и по три; также и въ часы постомъ столько же поученій, тогда для отдыха садиться нужно; для чего и мѣста устроиваются; къ тому же тамъ весь трудъ и тягость продолжительнаго богослуженія ничѣмъ вещественнымъ не вознаграждается; а здѣсь платятся деньги, какъ наемному; а получивши мзду, исполняй свое дѣло—не лѣнись. Садиться на клиросѣ въ соблазнъ мірянамъ воспрещается. Ежели послушники жалуются на усталость ногъ, то пусть ищутъ другое мѣсто сидячее.

На келейныя сборища и самовольныя нерѣдкія отлучки за монастырь будетъ обращено особое вниманіе. Послушники пусть оставляютъ въ памяти недавно бывшій случай чрезъ послушника Ѡ. Г. къ чему доводитъ отлучка безъ благословенія. Отлучающемуся съ благословеніемъ настоятеля сопутствуетъ Ангель, а самовольному—товарищъ дьяволъ.

Нехожденіе въ церковь будетъ штрафовать большимъ взыскаіемъ: за полунощницу особо, а за утрению особо, равно и за прочія богослуженія.

Во всемъ томъ да поможетъ намъ Господь Богъ на пользу душъ нашихъ и для добраго имени обители.

По случаю иногда бывающихъ въ вечернее время безчинныхъ компаній и пьянства по келліямъ нашей братіи, для приведенія въ извѣстность, кто имянно болѣе себя въ этомъ отличаетъ, дабы вѣрнѣе употребить средства къ искорененію тѣхъ пороковъ, поручается: Ризничему Иеромонаху А. и Иеромонаху В. дабы они каждый вечеръ въ неположительный часъ, иногда ранѣе, а иногда позднѣе, обходили келліи послушниковъ, и тѣхъ изъ старшихъ, кои безъ совѣсти подражаютъ младшимъ въ безчиніи, въ тоже время понуждать ихъ расходиться по своимъ келліямъ, прекратить свои безчинія, а въ слѣдующее утро докладывать мнѣ на запискѣ.

Юпія съ завѣщанія, за 6-ть дней до смерти писаннаго.

Во имя Отца, и Сына и Св. Духа аминь.

Подвергшись болѣзни сердца, довольно серьезной, когда и медикъ находитъ ее неизлѣчимою, обычно оканчивающеюся смертію внезапною, не страшась смерти, по милосердію Божію спокойно ожидаю ее. Въ полной памяти моей о маломъ стяжаніи моемъ распоряжаюсь такъ:

1) Во всю мою жизнь я не имѣлъ страсти къ сребролюбію. Все мною получаемое чрезъ руки требующихъ шло Христу, также и роднымъ, коихъ и прощу не искать денежныхъ остатковъ, каковыхъ даже и на погребеніе не имѣю, развѣ до сотни рублей найдется.

На погребеніе прощу мое начальство дозволить выдать изъ монастырской суммы, коей потребуется не болѣе трехъ сотъ рублей.

2) Родныхъ я у себя имѣю: брата подполковника Димитрія Ильина Соколова и двухъ сестеръ—вдову

Елисавету Освальдъ и вдову Коллежскаго Секретаря Анну Панову. Имъ предоставляю воспользоваться вещами, въ небольшомъ количествѣ состоящими, какъ-то: иконами, книгами, одеждою и разными вещами, книги, какъ главное мое состояніе, уже отданы; прочее же малозначущее мое имѣніе, которое оцѣнить можно не болѣе, какъ на 150 р., пойдетъ въ раздѣлъ моимъ роднымъ, кои, можетъ быть, воспользуются чѣмъ либо, то на нихъ никому не взыскивать; и на мнѣ по должности взыска никакого быть не можетъ; потому что суммы монастырскія всѣ въ завѣдываніи Казначей; а церковныя и ризничныя на рукахъ Ризничаго; келейныя же вещи монастырскія подробно значатся въ описи экономической. Мои собственныя четыре серебряныя наперсные креста, кои предоставляю двумъ моимъ племянникамъ Николаю Освальдъ и Василию Соколову, обучающемуся здѣсь въ Москвѣ, дабы оныя продать и деньги употребить на свое квартирное содержаніе; кресты сіи получить въ пользу свою мною приказано даже и до кончины моей. Собственныя же мои двѣ митры, золотомъ шитыя, предоставляю въ пользу монастыря на память мою. Духовное сіе завѣщаніе вчернѣ писано моею рукою въ полной памяти и въ здоровомъ разумѣ 1866 года апрѣля 5 дня на 61 году моей жизни отъ роду, и на сороковомъ году жизни монастырской. На бѣло переписывалъ Казначей Покровскаго монастыря Геромонахъ Пимень. Къ сему духовному завѣщанію Московскаго Покровскаго монастыря Архимандритъ Паисій руку приложилъ. Въ томъ, что оное духовное завѣщаніе подписалъ въ полной памяти Архимандритъ Паисій, свидѣтельствую его духовникъ Геромонахъ Митрофанъ.

Въ томъ свидѣтельствую Ротмистръ Иванъ Николаевъ Стефановъ.

Въ томъ свидѣтельствую Ординаторъ Клиники И. Г. Карчагинъ.

4) Р ѣ ч ь,

говоренная къ прихожанамъ предъ панихидою при первомъ извѣстіи о кончинѣ Московскаго Покровскаго монастыря настоятеля Священно-Архимандрита Паисія, приходскимъ священникомъ на родинѣ.

Христосъ Воскресе!

Съ прискорбіемъ извѣщая васъ, братія прихожане, о тихой и безмятежной, преждевременной кончинѣ незабвеннаго для насъ священно-архимандрита Паисія, лишнимъ считаю пояснить вамъ, кто былъ отецъ Паисій? И тѣмъ болѣе, когда мы находимся здѣсь подъ сѣнью сего божественнаго храма, далеко не чуждаго памятованія и заботливости о немъ сего старца праведника.

А потому смѣло думаю, что не напрасенъ былъ призывъ мой въ храмъ сей для принесенія смиренной молитвы о душѣ умершаго, близкаго сердцу нашему священно-архимандрита Паисія. Да! братія!! Если и потеря кого бы то ни было изъ смертныхъ всегда оста-

вляеть въ сердцѣ нашемъ слѣды горести и сожалѣнія, то тѣмъ болѣе потеря человѣка, облагодѣтельствованнаго насъ, должна положить въ сердцѣ нашемъ неизгладимую печать скорби и благоговѣнія къ памяти его. Нѣтъ нужды при настоящей бесѣдѣ нашей выставять всѣхъ его добродѣтелей, составлявшихъ какъ бы насущную пищу въ дѣлой жизни его, и частію явныхъ только одному Сердцевѣдцу. Коснемся только тѣхъ, которыя онъ сдѣлалъ по отношенію къ намъ, что бы и намъ сколько нибудь научиться, какъ нужно дѣлать добро. Всѣмъ вамъ извѣстна и каждому, что если бы сей досточтимый не по лѣтамъ старецъ, по прирожденной его склонности къ дѣланію добра и усерцію къ нечуждому его родному краю, не принялъ на себя труда при устройствѣ нашего храма сего, то, можетъ быть и по настоящее время здѣсь не было бы мѣста для принесенія безкровной жертвы. Устройвъ же храмъ сей онъ не хотѣлъ, чтобы этотъ храмъ терпѣлъ въ чемъ либо недостатокъ и каждагодно, какъ рачительный домохозяинъ, по возможности пополнялъ то, чего недоставало въ немъ, нужно ли далекое припамятованіе въ доказательство сей истины? Недалѣе, какъ въ прошломъ году онъ настолько облагодѣтельствовалъ нашъ храмъ, что память такого благодѣянія его навѣрно сохранить потомство наше. При всѣхъ однако благодѣяніяхъ его къ намъ, онъ нисколько не считалъ насъ одолженными и не ставилъ себя на мѣсто благодѣтеля, а напротивъ говорилъ: *все это отъ Бога*. Вотъ незабвенныя его слова; сказанныя при присылкѣ колоколовъ! „Вы не думайте, чтобъ все посланное къ вамъ изъ Москвы, было все отъ меня? Нѣтъ. Вы усердно просили Бога о помощи, и Богъ послалъ ее вамъ въ лицѣ доброхотныхъ жертвователей; я же былъ только орудіемъ у Бога въ принятіи этой помощи“. По истиннѣ, братія, поучителецъ для насъ примѣръ такой благодѣтельности! Дѣлая то или другое для насъ, онъ дѣлалъ только для Бога. Господи! ужели мы настолько согрѣшили предъ Тобою, что Ты безвременно отнимаешь у насъ такого благодѣтеля? Если же въ скудномъ семъ вертоградѣ Твоемъ еще таится искра добра, то пошли намъ иного благодѣтеля, да не изсякнетъ, но да сохранится въ святилищѣ семъ память о рабѣ твоёмъ Паисіѣ навсегда.

Итакъ, братія прихожане! При роковой вѣсти о кончинѣ незабвеннаго для насъ священно-архимандрита Паисія съ слезною молитвою теплѣ и теплѣ помолимся о упокоеніи души сего праведника, и, какъ дѣти, утратившіе родителя—опору своего счастья, вручимъ ему признательный и неизмѣнный залогъ вѣчнаго памятованія о немъ. Покойся же въ мирѣ достоуважаемый нашъ благодѣтель и собратъ о Христѣ отецъ Паисій! Но отдавая послѣднюю почесть приснопоминаемому нами умершему, братія, не забудемъ въ памяти своей и живыхъ, близкихъ сердцу его и вмѣстѣ нашему—родныхъ умершаго, а болѣе всего не забудемъ достоуважаемой нами его по плоти сестры и поспѣшницы его въ доб-

ромъ дѣлѣ рабы Божіей Елисаветы. Да сохранить Онъ Премилосердый жизнь ея, какъ преемницы умернаго на многая лѣта!

Апрѣля 16 дня 1866 года.

Внутреннее обозрѣніе.

Въ засѣданіи Петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія, состоявшемся 12-го декабря подъ предѣлательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича профессоръ И. Т. Осиповъ, передаютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, закончилъ рядъ сообщеній о Боннской конференціи. На этотъ разъ онъ коснулся, главнымъ образомъ, вопроса о результатахъ достигнутыхъ на конференціи, и формулировалъ ихъ въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ: 1) старокатолики согласились на исключеніе вставки *filioque* изъ символа вѣры, признавъ неправильность этой вставки; затѣмъ 2) были установлены догматы о признаніи единственнымъ источникомъ Св. Духа Бога Отца; кромѣ того 3) были приняты шесть положеній извлеченныхъ изъ сочиненій Іоанна Дамаскина, въ виду невозможности ограничиваться однимъ догматическимъ признаніемъ, послѣ безчисленныхъ разнообразныхъ толкованій вызванныхъ въ богословской наукѣ даннымъ спорнымъ вопросомъ. Во второй половинѣ засѣданія, іеромонахъ Герасимъ Яредъ въ длинной рѣчи высказалъ нѣкоторое сомнѣніе въ искренности заявленій старокатоликовъ и въ достаточной опредѣленности результатовъ соглашенія, въ виду того что оно поставлено въ зависимость отъ пониманія тезисовъ изъ Іоанна Дамаскина. На это г. Осиповъ возразилъ, что независимо отъ толкованія пзрѣчей І. Дамаскина, что принадлежитъ уже богословской наукѣ, догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ одного Отца остается, въ всякомъ случаѣ, твердымъ и непоколебимымъ. Въ концѣ засѣданія о. Янышевъ вкратцѣ повторилъ ту же мысль, сообщивъ, между прочимъ, что появился уже старокатолическій катихизисъ, предназначенный для вышихъ духовныхъ школъ, въ которомъ вставка *filioque* выпущена. Въ заключеніе о. Янышевъ замѣтилъ, что общеніе и сближеніе со старокатоликами для православныхъ богослововъ далеко не лишнее, и что послѣднимъ у первыхъ есть чему поучиться.

3 октября, въ воскресенье, въ 3 часовъ пополудни, при кишиневской духовной семинаріи открыты, по инициативѣ и энергическимъ заботамъ его преосвященства, преосвященнѣйшаго Павла, епископа кишиневскаго и хотинскаго, *публичные бесѣды съ старообрядцами* о предметахъ вѣры. Со стороны православныхъ, къ веденію бесѣды съ старообрядцами, его преосвященствомъ привлечены: преподаватель ученія о русскомъ старообрядствѣ при кишиневской семинаріи І. М. Пархомовичъ и священникъ кишиневской единовѣрческой церкви о. Григорій Милкинъ. 1) Къ пяти часамъ семинарская зала буквально была наполнена посѣтителями. Кромѣ значительнаго числа лицъ, принадлежащихъ къ образованнымъ классамъ, также православныхъ

нишаго класса, то живущихъ среди старообрядцевъ, то обратившихся изъ старообрядства въ православіе, и кишиневскихъ единовѣрцевъ, собралось очень достаточное, на первый разъ, число старообрядцевъ, какъ поповцевъ, такъ и безпоповцевъ. Въ пять часовъ изволилъ прибыть на открытіе бесѣды его преосвященство, преосвященнѣйшій Павелъ. Послѣ пѣнія семинарскими пѣвчими молитвы „Царю небесный“, его преосвященство обратился къ собравшимся съ слѣдующею рѣчью:

„По православному правилу и обычаю, каждое доброе дѣло должно начинаться молитвою. Молитвою ко Св. Духу и мы начинаемъ нынѣ свои собесѣдованія съ заблуждающими братіями нашими, по разнымъ причинамъ отторгшимися отъ единенія съ св. православною церковію, потому что эти собесѣдованія имѣютъ благую цѣль и могутъ сдѣлаться добрымъ, благотворнымъ дѣломъ. *Се что добро или что красно, но еже жити братіи скупъ* (Пс. 132 ст. 1), говоритъ псалмопѣвецъ. Эту добрую цѣль—миръ и единеніе братій и—единеніе въ святѣйшемъ союзѣ вѣры—имѣютъ и наши собесѣдованія. Наше пламенное желаніе и наша цѣль—та, чтобы всѣ мы—и сыны Св. Церкви Православной, и отдѣлившіеся отъ нея изъ-за обрядовъ собратія наши—составили одно святое семейство, составили братію, едиными усты и единымъ сердцемъ славящую и воспѣвающую пречестное и великолѣпное имя Отца и Сына и Св. Духа. Наша цѣль—та, чтобы спасительное имя Господа—Спасителя нашего, различнымъ начертаніемъ и произношеніемъ своимъ, не только не служило для послѣдователей Христовыхъ поводомъ къ раздору и враждѣ, но и было для всѣхъ именемъ равно спасительнымъ и достопоклоняемымъ, не взиралъ на различное начертаніе и произношеніе его. Наше пламенное желаніе то, чтобы крестъ Христовъ, на который Господь вознесся для того, чтобы всѣхъ привлечь къ Себѣ, соединить всѣ народы во единую церковь, служилъ для всѣхъ насъ знаменемъ единенія, а не разъединенія, ради устроенія его съ разночисленными концами. Наша цѣль—та, чтобы всѣ мы, слава одну и ту же святую, единую, животворящую и нераздѣльную Троицу, и исповѣдая одинаково два естества, при единомъ лицѣ, въ Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, — не хулили Бога любви, мира и единенія своими раздорами изъ-за различныхъ перстовъ десницы нашей, слагаемыхъ для означенія великихъ таинствъ вѣры нашей—Св. Троицы и воплощенія Сына Божія, и изъ-за сугубленія и трегубленія „Аллилуія“. Словомъ: наша цѣль—братскими собесѣдованіями разсвѣять всѣ недоумѣнія, уничтожить вражду, раздѣляющую насъ, и соединить всѣхъ во единое стадо Христово. Не добрая ли это цѣль? Не благое ли дѣло? Не справедливо ли было начать его молитвою?

Исканіе истины и уловленіе людей въ мрежу спасенія—подобно ловитвѣ рыбъ, о которой мы слышали въ евангеліи настоящаго дня. Иногда рыба уловляется въ мрежу легко; а иногда ловитва, не смотря на всѣ усилія рыбарей, бываетъ безуспѣшною. Но участіе въ дѣлѣ силы высшей, Божественной и безуспѣшную, въ теченіе многихъ часовъ и дней, ловитву вѣнчаетъ поразительнымъ успѣхомъ. Такъ случилось съ апостолами, которые трудились цѣлую ночь безуспѣшно въ ловитвѣ рыбы и потомъ внезапно награждены Господомъ, за свой трудъ и послушаніе, необычнымъ ловомъ. Тоже, — что съ ловитвою рыбы, — бываетъ и

1) О. Милкинъ—однѣ изъ учениковъ извѣстнаго о. Павла Прускаго, обладающій значительною начитанностію, усвоившій диалектическіе приемы своего учителя въ преніяхъ съ старообрядцами, и владѣющій хорошимъ даромъ слова. Ред.

съ исканіемъ истины и уловленіемъ людей въ мрежу спасенія. Иногда истина обрѣтается легко; легко привлекаются къ ней иногда и люди заблуждающіе, но усердно ищущіе истины. Иногда же истина бываетъ такъ глубоко сокрыта подъ водою и тиною неустойчивыхъ и лживыхъ мнѣній и ученій человѣческихъ, что не легко ее открыть для всѣхъ. Иногда души человѣскія такъ глубоко падаютъ въ бездну упорства, ожесточенія, противленія истинѣ, что всѣ усилія человѣскія исторгнуть ихъ изъ этой бездны остаются тщетными. Но трудъ добросовѣстный, неослабный, непрерываемый даже и среди неудачъ, при помощи свыше, преобладаетъ все. Невозможное для людей возможно для Бога. Господь благословилъ необычайнымъ успѣхомъ настойчивый трудъ апостоловъ среди несчастливой, необщавшей никакого успѣха ловли. Не можетъ ли Господь, Который—Сама Истина и Спасъ душъ нашихъ, и силъ Котораго доступны всѣ бездны, — помочь намъ обрѣсти истину, и легко уловляющуюся въ мрежу ума нашего, и уловить въ мрежу спасенія и души, низпадшія до адовыхъ глубинъ упорства, ожесточенія, противленія истинѣ?

Для Бога возможно все, и—Онъ всегда готовъ явиться къ намъ съ своею помощію, только бы мы были достойны ея. Господу пріятенъ добросовѣстный трудъ. Будемъ же трудиться надъ исканіемъ истины и трудясь молить Господа о помощи. Мы молились Духу истины, чтобы Онъ очистилъ насъ отъ всякаго скверны. Будемъ постоянно молить Его о семъ, и съ своей стороны всемирно стараться очистить сердца наши отъ нечистыхъ примѣсей самолюбія, нетерпимости, гордости при исканіи истины, и Духъ Святой очистить насъ отъ всякаго скверны, Духъ истины наставитъ насъ на-всякую истину, спасительную для всѣхъ насъ.

Свои собесѣдованія мы открываемъ при счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Сегодня св. церковь воспоминаетъ трехъ великихъ святителей всероссійскихъ, святыхъ митрополитовъ Петра, Алексія и Іону, первосвятительствовавшихъ въ церкви Русской въ то время, когда не было въ ней раздора и разъединенія, когда всѣ сыны Россіи составляли единую церковь Русскую. Конечно, съ любовью взираютъ они съ небесъ на благое предпріятіе наше и не престають молить Господа объ успѣхѣ его. Начнемъ же, съ благословіемъ Божиимъ и великихъ угодниковъ Господнихъ свою бесѣду.

По окончаніи рѣчи его преосвященства, обратился съ рѣчью къ публикѣ преподаватель ученія о русскомъ старообрядствѣ І. М. Пархомовичъ. Сказавши о заботливости его преосвященства въ дѣлѣ открытія бесѣды съ старообрядцами при вѣншевской семинаріи, указавши цѣль и главный предметъ ихъ, онъ перешелъ къ очерку исторіи старообрядства. Сказалъ о раздѣленіи старообрядцевъ на двѣ секты: поповщину безпоповщину, и выставилъ главнѣйшіе отличительные пункты ученія той и другой; потомъ представилъ послѣдовательное, логическое дробленіе какъ поповщины, такъ и безпоповщины на толки; затѣмъ, коснувшись главнѣйшихъ причинъ дробленія старообрядства на толки, указалъ на сознаніе самими старообрядцами несостоятельности своего положенія, выразившееся въ исканіи старообрядцами для себя архіерея, и закончившееся для однихъ устройствомъ единовѣрія, а для другихъ—австрійскаго священства. По окончаніи рѣчи Пархомовича, священникъ о. Григорій Милкинъ въ нѣсколькихъ словахъ

высказалъ, что какъ мы — православные, такъ и старообрядцы, одинаково вѣруемъ въ Св. Троицу: Бога Отца, Сына Божія и Духа Святаго. Между тѣмъ старообрядцы отдѣляются отъ насъ. Какая же этому причина? „Можетъ быть вы смотрите на нашу церковь, — обратился онъ къ старообрядцамъ, — какъ на еретическую, или же чуждаетесь ея только изъ-за обрядовъ?“ Задавши этотъ вопросъ, о. Григорій Милкинъ предложилъ, кому угодно изъ старообрядцевъ, выступить для собесѣдованія объ этомъ. На такое предложеніе старообрядцы стали сначала уклончиво отвѣчать, что они не приготовились къ собесѣдованію. Потомъ выступилъ изъ среды ихъ пріѣзжій изъ Чернигова старообрядецъ и обратился къ его преосвященству приблизительно съ такими словами: „Вы, началъ онъ, желаете склонить насъ отказаться отъ нашего ученія. Желаніе это слишкомъ уже позднее. Мы зашли въ такую труппу, выйти изъ которой уже нельзя намъ. Нужно было бы подумать объ этомъ раньше. Притомъ же мы люди темные, и если что говоримъ ошибочно, что это намъ извинительно. А вотъ вашимъ-то святителямъ неизвинительно. Димитрій Ростовскій, членъ церкви, обозвалъ Спасителя-равноухимъ“. На это его преосвященство сказалъ, что, „искать обращенія заблуждающихъ на путь спасенія никогда не поздно; что Господь возсоздалъ языческій міръ, падшій конечно гораздо глубже старообрядства; что многіе старообрядцы лучше—и нынѣ обращаются къ церкви; что для милосердія Божія и всемогущества возможно извлечь и старообрядцевъ изъ труппы ихъ“. Затѣмъ преосвященный возстановилъ подлинный смыслъ словъ св. Димитрія Ростовскаго, будто бы назвавшаго Христа равноухимъ.—„Вотъ тамъ читали, продолжалъ старообрядецъ, что мы просили у Синода себѣ особаго архіерея; но намъ не дали его; не хотѣли сдѣлать намъ снисхожденія. А вѣдъ апостоль Павелъ христіанамъ изъ іудеевъ сдѣлалъ снисхожденіе, обрѣзавши Тимофея“. Его преосвященство высказалъ, что „апостоль оказалъ это снисхожденіе къ іудеямъ съ цѣлю привлеченія ихъ къ церкви, а не удаленія отъ нея, обрѣзавъ лицо вполне преданное церкви; вамъ же оказать снисхожденіе дарованіемъ особаго епископа старообрядческаго Св. Синодъ не могъ и не можетъ, потому что глаголемые старообрядцы искали себѣ епископа не для закрѣпленія союза съ церковію, а для укрѣпленія раскола, — желали себѣ епископа, который бы, по ихъ требованію, произнесъ осужденіе и проклетіе на церковь православную. Развѣ могъ Св. Синодъ дать имъ епископа при такихъ условіяхъ? А снисхожденіе имъ оказано: имъ дозволено оставаться при древнихъ обрядахъ“.—„Но какъ же, возразилъ старообрядецъ, они дозволили обряды, когда на этихъ обрядахъ лежитъ клятва московскаго собора 1667 года?“ Его преосвященство выяснилъ старообрядцу, что клятва произнесена не на обряды, а на противящихся церкви изъ-за обрядовъ. Отъ дальнѣйшаго собесѣдованія старообрядецъ сталъ уклоняться, высказывая, что для этого нужно поразмыслить. Тогда его преосвященствомъ предложено избрать предметъ для собесѣдованія въ будущее воскресенье (12 октября). Съ обоюднаго согласія православныхъ и старообрядцевъ рѣшено было предметомъ будущей бесѣды избрать: „О клятвахъ московскаго собора 1667 года“. Пвнѣемъ молитвы: „Достойно есть“ закончено было открытіе бесѣды.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Вотъ что замѣчаетъ редакция *Церковно-Общ. Вѣстника* (№ 137) относительно мысли объ учрежденіи Общества студентовъ Моск. дух. академіи: „одинъ изъ модныхъ обычаевъ нашего времени, это—праздновать юбилей. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего несообразнаго. Но вотъ что странно: рѣдкіе, очень рѣдкіе изъ этихъ юбилеевъ, если не сами по себѣ, то по своимъ послѣдствіямъ, получаютъ общественное значеніе. Виднымъ исключеніемъ изъ этого является недавно празднованный юбилей одного изъ наставниковъ Моск. дух. семинаріи, С. Д. Писарева. На этомъ юбилей поднятъ былъ истинно-животрепещущій и въ высшей степени важный вопросъ. Одинъ изъ сослуживцевъ юбиляра, г. Богодѣновъ, для поддержки наставниковъ и ихъ семействъ въ случаяхъ несчастій и нужды рекомендовалъ учредить Общество изъ педагоговъ. Мысль г. Богодѣнова встрѣчена была съ полнымъ сочувствіемъ. Редакціи „Прав. Обзор.“ и „Моск. Еп. Вѣд.“ изъявили готовность открыть страницы своихъ изданій для всевозможныхъ по данному вопросу заявленій и разъясненій. Съ своей стороны и мы съ особеннымъ удовольствіемъ примемъ всякое заявленіе по этому предмету. Считаемъ долгомъ оговориться, что и г. Богодѣновъ, и „Моск. Еп. Вѣд.“ предполагаютъ собственно учредить Общество изъ воспитанниковъ Моск. дух. академіи, какъ людей „одинаковаго духа и направленія“ и потому преимущественно способныхъ оказывать другъ другу взаимную матеріальную помощь. Но мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ человекъ, уже нѣсколько лѣтъ покинувшій свою alma mater, живущій среди воспитанниковъ другихъ заведеній, можетъ быть такъ глубоко заинтересованъ въ судьбахъ воспитанниковъ своей alma mater и только ей одной, что лишь съ ними онъ вступаетъ въ Общество съ цѣлю взаимной поддержки? Намъ кажется, что связь между воспитанниками одного заведенія остается тѣсною лишь въ стѣнахъ заведенія и если продолжается по выходѣ изъ школы, то весьма не долго. Остается лишь болѣе или менѣе пріятное и благодарное воспоминаніе о мѣстѣ, гдѣ получено высшее образованіе, и только. Думается, что и воспитанники Моск. академіи не представляютъ исключенія изъ общаго правила. Но что касается до мысли объ учрежденіи вообще среди наставниковъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній Общества взаимной помощи, то она такъ естественна, а ея осуществленіе такъ много общааетъ хорошаго, что, право, нельзя не подивиться, какъ это она до сихъ поръ не подверглась даже обесужденію въ печати“.

И такъ, редакция „Церковно-Общ. Вѣстника“ считаетъ мысль объ учрежденіи Общества взаимной помощи среди наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній вполне естественною, вопросъ объ этомъ—истинно-животрепещущимъ и въ высшей степени важнымъ, и съ своей стороны такъ сочувственно къ нему относится, что выражаетъ полную готовность своимъ изданіемъ послужить его разработкѣ. Это и составляетъ въ настоящей ея замѣткѣ главное и существенное, что насъ въ высшей степени обрадовало и за что будетъ ей глубоко-благодаренъ всякій, принимающій къ сердцу означенный вопросъ. А что мы нѣсколько иначе смотримъ на дѣло, нежели достойная всякаго уваженія

редакція, это пока не важно, — это даже хорошо, потому что послужитъ къ всестороннему разсмотрѣнію вопроса.

Главное различіе между нами и редакціею „Церковно-Общ. Вѣстника“ во взглядѣ на означенный вопросъ, кажется, состоитъ въ томъ, что послѣдняя желаетъ предполагаемаго общества, только какъ благотворительнаго, какъ общества матеріальной взаимной помощи; при предположеніи только такой задачи для общества, естественно ожидать, что оно будетъ состоять изъ лицъ, одинаковыхъ по своему настоящему положенію и по своему будущему. Мы же съ своей стороны желали бы, чтобы членовъ предполагаемаго общества соединили болѣе высшіе, духовные интересы, и благотворительность являлась бы среди нихъ слѣдствіемъ или плодомъ ихъ духовнаго содружества и братства, была бы одною изъ дѣятельностей общества, въ которыхъ члены его выразить свое взаимное общеніе. Если такъ, то одинаковость вѣшняго положенія не можетъ представить достаточнаго основанія и побужденія различнымъ лицамъ соединиться въ одно духовное цѣлое. Для этого нужно нѣчто, стоящее внѣ утилитарныхъ расчетовъ. А такъ какъ образованіе есть драгоценнѣйшее имущество, каковымъ только можетъ человекъ обладать, то намъ и думается, что соединиться людямъ въ одно духовное цѣлое подъ главенствомъ alma mater, которой они обязаны всемъ тѣмъ, что они есть и чѣмъ они обладаютъ, соединиться имъ во имя богословской науки, интереса къ которой ожидать отъ нихъ слѣдуетъ, — вполне естественно. Такихъ обществъ можетъ создаться столько же, сколько у насъ академій, и такимъ образомъ исполнится и желаніе редакціи „Церковно-Общ. Вѣстника“, чтобы всѣ наставники всѣхъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній были предметомъ благотворительной дѣятельности какаго либо общества взаимной помощи. Редакція недоумѣваетъ, „какимъ образомъ человекъ, уже нѣсколько лѣтъ покинувшій свою alma mater, живущій въ средѣ воспитанниковъ другихъ заведеній, можетъ быть такъ глубоко заинтересованъ въ судьбахъ воспитанниковъ своей alma mater и только ей одной, что лишь съ ними онъ вступаетъ въ общество съ цѣлю взаимной поддержки? Намъ кажется, — говоритъ редакція, — что связь между воспитанниками одного заведенія остается тѣсною лишь въ стѣнахъ заведенія и если продолжается по выходѣ изъ школы, то весьма не долго. Остается лишь болѣе или менѣе пріятное и благодарное воспоминаніе о мѣстѣ, гдѣ получено высшее образованіе, и только. Думается, что и воспитанники Моск. академіи не представляютъ исключенія изъ общаго правила“. Какъ относятся къ своей alma mater и другъ къ другу воспитанники другихъ академій, мы не знаемъ. Что же касается воспитанниковъ Моск. академіи, то, съ кѣмъ изъ нихъ мы ни встрѣчались, доселѣ еще не встрѣтили ни одного человека, въ которомъ бы наша мысль о союзѣ студентовъ Моск. дух. академіи не затронула самаго „пріятнаго и благодарнаго воспоминанія о мѣстѣ, гдѣ получено высшее образованіе“, и онъ не желалъ бы присоединиться къ этому союзу. Нашъ юбиляръ, торжество котораго дало намъ поводъ высказать эту мысль публично, въ послѣдніе дни получилъ письменныя заявленія полного сочувствія и къ себѣ и къ нашей мысли — изъ такихъ не близкихъ къ Москвѣ и Моск. академіи городовъ, какъ Харьковъ, Тула, Саратовъ, и отъ такихъ лицъ, которые 20—35 лѣтъ оставили

стѣны академіи. Двое изъ этихъ лицъ вмѣстѣ съ нимъ оставили академію и съ тѣхъ поръ не видались и не сносились другъ съ другомъ. Можно бы было, пожалуй, предполагать, что—все забыто, что каждый изъ этихъ товарищей по академіи всецѣло душою своею привязался къ интересамъ той среды, въ которой ему пришлось жить и служить, и совсѣмъ забылъ и свою alma mater и своихъ товарищей. Оказывается, напротивъ, что лишь нѣтъ поводовъ ожить и выразиться той духовной связи, какал несомнѣнно существуетъ между воспитанниками одного и того же заведенія. Вѣроятно впрочемъ, что и среди воспитанниковъ Моск. академіи есть лица, которыя, кромѣ „болѣе или менѣе пріятнаго и благодарнаго воспоминанія“ къ академіи, ничего не имѣютъ въ душѣ съ этой стороны. Но слѣдуетъ ли хладнокровно относиться къ этому явленію? Нормальное ли оно? Если только въ комъ оно есть, не указываетъ ли оно или на отсутствіе въ душѣ и всякихъ другихъ болѣе высшихъ, чисто духовныхъ интересовъ, или же на такую одностороннюю замкнутость въ кругу мелкихъ знаній своей спеціальности, что для человѣка весь міръ—ничто въ сравненіи съ рѣшеніемъ какого нибудь непонятнаго и неинтереснаго никому, кромѣ него самого, частнаго вопроса изъ области его спеціальности? И не желательно ли, чтобы такія лица пожелали жить общественною жизнью, а тѣ, въ которыхъ жизнь и служба еще не успѣли уничтожить студенческой свѣжести души, имѣли средства поддерживать въ себѣ тотъ священный огонекъ, который когда-то заставлялъ ихъ такъ горячо и живо откликаться на все благородное и доброе? И вотъ Общество студентовъ Моск. дух. академіи и могло бы, по нашему мнѣнію, сослужить эту службу. Если бы изъ него, говорили мы, и не вышло никакого научно-литературнаго предпріятія, то и въ такомъ случаѣ оно имѣло бы великое нравственное значеніе, и прежде всего для самихъ его членовъ.

Боголюбовъ.

«Миръ--праху почившаго, покой сердца--любившимъ его».

Когда закатывается солнце, наша земная природа меркнетъ, всё умолкаетъ, успокоивается, засыпаетъ, — а сонъ есть подобіе смерти, но это продолжается недолго: при восходѣ великолѣпнаго небснаго свѣтила наша природа оживляется и человѣкъ съ обновленными силами вступаетъ въ свою обычную дѣятельность. — Это дивное распредѣленіе времени, эти часы вѣрно и неизмѣнно идущіе изъ глубины вѣковъ и поставленные на тверди небснай рукою того, Егоже шествіе отъ края небесъ,—часы эти заведены въ тотъ моментъ, терпящийся въ неизмѣримости временъ, когда по сказанію богодухновеннаго пророка—законодателя и вождя Израильскаго «и бысть утро, и бысть вечеръ».

Нельзя ли видѣть въ этой смѣнѣ ночи и дня, темноты и свѣта, — нельзя ли видѣть прообразованія нашей жизни: вечеръ и ночь—наше земное странствіе, утро зарожденіе новаго дня, заря новой жизни въ свѣтлыхъ селеніяхъ Отца небснаго, во что мы несомнѣнно вѣруемъ и полагаемъ наши надежды.

Однакожь закатившееся солнце жизни почившаго нашего

друга, моего съ ранней юности товарища, извлекаетъ слезу нашу и ложится грустью на сердце.

Гдѣже найдѣмъ мы утѣшеніе? Кто успокоитъ наше сердце? О, мы найдѣмъ это утѣшеніе тамъ же, откуда истекаетъ жизнь — въ лоиѣ предвѣчнаго Бога, дающаго духъ премудрости и разума, чтобы пройти человѣку жизненный путь по Божественному закону его и во благо окружающей среды его. — А такова была вся жизнь почившаго нашего друга, дѣятельнаго, трудолюбиваго, посвящавшаго всё время на пользу науки, вполне ей преданнаго.

Не смѣю здѣсь говорить о его учѣныхъ заслугахъ: это заняло бы много времени и притомъ они извѣстны во всѣхъ концахъ отечества нашего. — Онъ охранялъ своимъ словомъ святилище Отчественной исторіи и завѣтныя вѣрованія народа. Кто съ силою и доказательствами несомнѣнными защищалъ и Дмитрія Донскаго, и Сусанина, и Скопина Шуйскаго? Онъ не въ состояніи былъ равнодушно смотрѣть на опроверженія этихъ вѣрованій въ подрывъ ихъ несомнѣнности, — и вооружался перомъ съ пылкостью юноши.

Его дѣятельность была изумительна. Ни просьбы близкихъ родныхъ, ни совѣты дружбы, ничто не могло его убѣдить — умѣрить, для сбереженія здоровья, эту непрерываемую ничѣмъ дѣятельность. Бывало, скажешь ему «будетъ М. П., довольно, отдохните», (хотя заранѣе знаешь, что этотъ совѣтъ будетъ безъ успѣха), а отвѣтъ всегда одинъ и тотъ же.

«Надобно вотъ тутъ и тамъ докончить», и перо не выпускалось изъ рукъ и конца этому письму не было.

Его неустанное попеченіе о славянахъ, ихъ образованіи и нуждахъ слишкомъ извѣстны, чтобы говорить объ нихъ. Съ грустью пронесѣтся вѣсть о кончинѣ его далѣко отъ насъ, слезою благодарности помянется благородное имя его. — Вспоминается и далѣкая, родственная Славянскому племени златоглавая Москва и то Дѣвичье поле, на которомъ жилъ просвѣщенный мужъ, подававшій надежную руку помощи чужихъ странъ юношамъ, приходившимъ къ намъ искать просвѣщенія въ нашемъ древнемъ наукъ святилищѣ.

Но остановимся: возблагодаримъ Всевышняго Творца за полное теченіе такой жизни, и такой полезной дѣятельности. Отгонимъ грусть и украсимъ печальный гробъ радостными цвѣтами, а сердце успокоимъ дорогими о почившемъ воспоминаніями.

О, Боже великій и дивный, приклони слухъ твой къ молитвѣ нашей и водвори душу почившаго друга нашего въ свѣтлыхъ твоихъ селеніяхъ, и лучѣмъ божественной Твоей благодати утоли скорбь сердца осиротѣвшаго родственнаго его круга.

Да будетъ искренняя молитва наша послѣднимъ прощальнымъ словомъ почившему — до... до радостнаго утра, до того великаго дня, когда кажущіеся погасшими свѣтильниками жизни вновь возгорятся свѣтомъ лучезарнымъ въ горнихъ обителяхъ безсмертія небснаго Отца.

Ф. Лямковъ.

15-го декабря 1875.
Москва.

При семь прилагается 33-й № официалнаго отдѣла.

Редакторъ священникъ

В. П. Рождественскій.

Въ типографіи «Современ. Извѣстій».

Знаменка, Ваганьковскій пер., д. Игнатъевой.

Цензоръ

Архимандритъ Амфилохій.